

Подводный камень.

«Дорогая Надежда Сергѣевна. Вы мнѣ нужны. Зайду въ 2 часа. Маруся».

Прочтя записку, Надежда Сергѣевна стала припоминать, гдѣ у нея спрятаны глубокія резиновые калоши, которыя она носила, еще живя въ деревнѣ. Въ городѣ такихъ не носятъ.

Никто бы не усмотрѣлъ логической связи между запиской и калошами, но мысль Надежды Сергѣевны не дѣлала скачка. Надежда Сергѣевна, въ силу опыта долготѣней близости съ Марусей, знала, что если въ глухую осеннюю пору получается такая записка, то значить въ указанный въ ней часъ надо отправляться въ какую-нибудь такую трущобу, куда ни одинъ извозчикъ не повезетъ. А не итти нельзя, потому что въ трущобѣ у Маруси кто нибудь умираетъ, или рождается, или страдаетъ, но несомнѣнно ждетъ помощи.

Съ тѣхъ поръ, какъ Маруся состоитъ членомъ Лиги борьбы съ туберкулезомъ,—эти странствованія стали чаще; только раньше погода всю осень была сухая, и калоши не требовались. Въ назначенное время все такъ и случилось, какъ предполагала Надежда Сергѣевна: извозчикъ на второй, параллельной главной, улицѣ, попросилъ прибавки, а на третьей отказался везти.

Спустились по какимъ-то ступенькамъ внизъ и позвонили у каменнаго двухъэтажнаго дома.

— Жеребковъ здѣсь живетъ?

— Жеребковъ? — переспросила старуха, открывшая дверь,—это, котораго жена прачка?

Маруся не знала профессіи жены Жеребкова, но невѣроятнаго въ томъ, что она прачка, ничего не было. А Надежда Сергѣевна сообразила, что значить мужъ давно безъ работы, если сосѣдніе жильцы знаютъ его только, какъ «же-нинаго мужа».

— Къ нимъ ходъ со двора, только Вамъ тамъ не пройти, грязно: Идите вотъ черезъ галдарею.

— Да мы наслѣдимъ...

— Ужъ, видно, такъ тому и быть,—резонно сказала старуха.

Прошли по галлерей и увидѣли сбоку дверь въ подвальный этажъ. Она не была заперта. Старуха ушла, а Маруся съ Надеждой Сергѣевной спустились по осклизлымъ ступенямъ и, толкнувъ вторую дверь, сразу очутились въ потемкахъ.